

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ
и
ПОСВЯЩЕНИЯ
и
ВОСПОМИНАНИЯ

КРУГИ ВРЕМЕН

В память
Елены Константиновны
Ромодановской

[ТОМ 2]

МОСКВА «ИНДРИК» 2015

УДК 821
К 84



Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ
грант № 15-04-16023

Издание утверждено к печати
Ученым советом Института филологии Сибирского отделения
Российской Академии наук

Редакционная коллегия:

О. Д. Журавель, М. Н. Климова,
Т. И. Ковалева (ответственный секретарь), Л. А. Курышева, Т. В. Панич,
В. А. Ромодановская (ответственный редактор),
И. В. Силантьев (ответственный редактор),
Л. В. Титова (ответственный редактор), А. В. Шунков

Рецензенты

чл.-корр. РАН Г. И. Вздорнов
чл.-корр. РАН Р. Ш. Ганелин
чл.-корр. РАН А. А. Гиппиус

КРУГИ ВРЕМЕН. В память Елены Константиновны Ромодановской.
Том 2. — М.: «Индрик», 2015 — 1184 с., ил.

ISBN 978-5-91674-354-8

В этом томе представлены статьи отечественных и зарубежных ученых, написанные в память о русском филологе-медиевисте Елене Константиновне Ромодановской, а также воспоминания К. В. Ромодановского, отца Елены Константиновны, ее собственные и воспоминания о них. Книга рассчитана на филологов и историков, а также на всех, интересующихся русской литературой.

© Коллектив авторов, 2015
© Институт филологии СО РАН, 2015
© Издательство «Индрик», 2015



Л. А. Курышева

СЮЖЕТ О КОВАРНОЙ СЕСТРЕ В «ГИСТОРИИ КОРОЛЕВИЧА АРХИЛАБОНА»

В книге, посвященной становлению русской беллетристики XVII–XVIII вв., Елена Константиновна Ромодановская, отмечая, что именно фольклорная сказка была для русского человека XVII в. «единственным национальным опытом» вымышленного повествования, констатировала необыкновенную насыщенность русской развлекательной литературы XVII–XVIII вв. сказочными сюжетами.¹ Анализируя особенности новой беллетристики, она описала ее развитие как амбивалентный процесс. Оригинальная русская беллетристика создавалась на основе сказочных сюжетов и, шире, — сказочной структуры, однако сопутствующая трансформация этих элементов привела к «разрушению сказочной стихии»: вместо обобщенно-социального обозначения героев, условно-обобщенного пространства и обстоятельств действия фольклорной сказки приметой беллетристики нового типа становятся иностранные имена героев, география дальних стран, бытовые, социальные, политические реалии своего времени.² Эти повествовательные приемы знаменуют особый этап формирования русской беллетристики в начале XVIII столетия.

Среди памятников эпохи особый интерес представляет оригинальное произведение русского автора «История королевича Архилабона», сочи-



Любовь Александровна Курышева. Июнь 2012 г.

¹ Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге Нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 127–149.

² Там же. С. 141–142.

СЮЖЕТ О КОВАРНОЙ СЕСТРЕ В «ГИСТОРИИ КОРОЛЕВИЧА АРХИЛАБОНА»

ненная, как гласит надпись, «трудами правительствующего Сената действительного коллегии юнкора Петра Орлова в Москве марта 1750 года». Повесть построена по принципу авантюрного повествования, состоящего из нанизанных эпизодов. Сами по себе эпизоды представляют собой популярные сказочные сюжеты или их слагаемые — мотивы: вещий сон, невинно гонимая дочь, волшебные помощники, вероломная сестра. Есть среди них и восходящий к героическому эпосу сюжет о змеборстве, и сопутствующие ему мотивы богатырского коня, богатырской силы героя, воспроизведение поэтики которых свидетельствует о хорошем знакомстве автора с народной эпической поэзией. Анализ повести с точки зрения привлеченных сказочных сюжетов позволяет приоткрыть дверь в «кухню» создания беллетристической повести. В настоящей статье мы остановимся на заключительном эпизоде приключений королевича Архилабона — о предательстве сестры, восходящем к сюжету о злой сестре (вероломной жене) и рассмотрим его в связи с другими сказочными сюжетами, задействованными в «истории».

После изгнания из родительского королевства, Архилабон побеждает шестиглавого змея и поселяется с сестрой Афродитой вдали от людей. Он часто отправляется на охоту и во время его отсутствия сестру начинает посещать королевич соседнего государства Бритон. Не надеясь, что брат согласится отдать ее замуж, Афродита советует своему жениху выступить войной против брата. Трижды Бритон терпит поражение и, наконец, решает действовать хитростью. С этого момента реализуется сюжет о том, как злая сестра выведывает, в чем заключена сила героя и пытается погубить его. Бритон посылает Афродите ящик, набитый острыми гвоздями. Сестра выспрашивает у Архилабона, чем можно одолеть его силу:

«Братец государь! Я довольно ведаю о твоей славной силе, однако любопытство еще принудило меня об том у вас спросить, чтоб вы силою своею не преодолели?» — Архилабон, не уразумев хитрой тайности, скрытой в злом сердце своей сестры, объявил: «Мне, матушка сестрица, кажетца, против моей силы ничто устоять не может. Однако есть одна вещь, которую я преодолеть не могу, да сказать можно, я вас, сестрица, не потаюся! Ежели мои руки увить вместе канатом по изволению толстым, то я перерву за шутку, а буде увить их же шолком, тово я перервать не в силе: ибо оной врезывается в тело, а чрез то отымает силу!». Королевна Афродита так притворилась, будто она сему поверить не в состоянии, чтоб был шелк крепче канату по изволению толстого, просила брата обвить шолком ево руки, якобы толко посмотреть для куризети, как не можно такому в силах славному королевичю сию безделицу перервать, на что Архилабон позволил, то королевна, увив ево шолком накрепко руки, так что поворотить ему было их невозможно, толкнула ево в груди, отчего королевич упал в покрытой полотном вышереченной гвоздями набитой ящик и весь от оных пронзившись, стал бещуствен, а королевна

с своею девицею (ибо из лакеев при низ никого не было) взяв то с Архилабоном ящик и бросили в колодезь.³

Львы, волшебные помощники Архилабона, спасают своего хозяина. Затем Афродита и ее муж еще раз покушаются на жизнь брата, терпят фиаско, и за предательство лишены жизни. Наиболее близкий вариант к этой части повести — сюжет «Богатырь и его неверная жена» (906**⁴) — находим в украинском фольклоре: «неверная жена лишает богатыря (Добоша, Жолобчука) его силы и выдает врагам; его сажают в темницу и выкалывают глаза; силы возвращаются к нему, он мстит врагам».⁵ В. С. Кузнецова в устной беседе высказала предположение о том, что этот сюжет мог сложиться под влиянием библейской легенды о коварной соблазнительнице Самсона Далиле. Трижды на вопрос Далилы о секрете его силы и том, как можно его одолеть, Самсон дает вымышленные ответы: его нужно связать семью сырыми тетивами, новыми веревками, воткать в ткань семь кос с его головы (Суд. 16:4–19). Из русского фольклора эпизоду «истории» с вероломством сестры наиболее близки два сюжета: «Неверная жена» (318), в котором героиня «завладевает чудесной рубашкой (огнивом, мечом и т. п.) мужа и передает любовнику»⁶, и «Звериное молоко» (315), в котором «сестра сговаривается с любовником погубить юношу... связывает его; герой спасается с помощью зверей»⁷. Злая сестра, львы-помощники и исцеление задействованы еще в одном сюжете с волшебными предметами, придающими силу герою — «Царевич и браслеты» (590).⁸

Обращает на себя внимание такая деталь «истории» как шелковые пути. Она встречается в некоторых вариантах былины о Михайле Потыке в части, посвященной измене жены:

Повалился тут Потык во бел шатер,
А заснул-де он сном да богатрьским...
А опутали во опутинки шолоковыя,
А замкнули в замки они во немецкия,
А оставили Потыка на цистом поле.⁹

³ Текст воспроизводится по единственной публикации: История королевича Архилабона // Русские повести XVII–XVIII вв. СПб., 1905. С. 103. Текст передается с разбивкой на слова, пунктуация дана в соответствии с современными нормами. Далее ссылки на страницы в тексте статьи.

⁴ Все номера по классификации сказочных сюжетов приводятся по книге: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979.

⁵ Там же. С. 228.

⁶ Там же. С. 117.

⁷ Там же. С. 115.

⁸ Там же. С. 165.

⁹ Потык: («А во стольнём во городе во Киеве...») // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, запи-

В сочинении П. Орлова мы имеем дело с неочевидной мотивированностью сюжетного перехода от любви Бритона и Афродиты к замыслу сестры погубить брата. На границе двух эпизодов неожиданно возникает тема сопротивления Архилабона возможному браку сестры:

...Я вашему предаюсь супружеству, ежели толко буду достойна. Но понеже брат мой королевич Архилабон в сем нашем предприятии будет большой помехой, в таком случае изволь от меня чрез письмо ожидать уведомления и потому исполняйте. А с сего времени ко мне приезды до благополучного совершения нашего брака оставьте, ибо мой брат о мне некоторое подозрение принял! (письмо Афродиты Бритону)

Королевна Афродита всячески об оном [о желаемом браке с Бритоном — Л. К.] брату говорить с представлением резонов покушалась, однако на сие от него склонность не получа вздумала учинить хитростью и в таком намерении тайно х Бритону писала: «Я способу никакова болше того не изыскала, как надобно вам, (ежели я угодна), собрав войско и пришед незапно на наш дом, убить моего брата; а когда сие зделаешь, то нам совокупитца желаемым браком опасности не останетца» (с. 100–101).

Возможно, в этом эпизоде в редуцированном виде присутствует распространенный мотив похвальбы невинностью сестры. Среди сказочных сюжетов он реализован в сюжете о невинно оклеветанной жене или дочери (882А). В былине «Алеша Попович и сестра Петровицей-Бродовичей» он сохранил более архаические черты: отправной точкой сюжета служит похвальба сестрой, которая надежно укрыта от людей.¹⁰

Есь ведь как у нас да всё родна сёстра,
А молода Олёна Петровицъна;
Сидит она у нас за деветью замками:
Буйны-ти ветры не заведут ей,

санными посредством фонографа. Т. 2. Ч. 3. СПб., 2003. С. 286. Следует отметить, что опубликованные записи былин о Михайле Потыке XVII–XVIII вв. содержат иную версию эпизода с изменой жены: в «Сказании о трех богатырях киевских» она опаивает его, отбирает оружие, превращает в камень, приковывает к стене; былина из сборника Кирши Данилова ограничена эпизодами женитьбы на волшебнице и исполнения обязательства идти живым в могилу в случае смерти супруги. См.: Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков. М.; Л., 1960; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977.

¹⁰ Прототип былины восходит к сюжетам, в которых отразилась норма эндогамного брака, см.: Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г. Комментарии // Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974. С. 406–407.

Цясты-ти дожди не замоцат ей,
Добры-ти люди не засмотрят ей.¹¹

В заключительной части «гистории» подчеркнута вероломство сестры: «Королевна сие говорила с показанием от стыда на лице краски»; «королевич Архилабон с великою славою в свой дом возвратился, а сестра ево принела лицемерно с ласкою» (с. 101). Между тем, в начале повести потенциал повествования связан с возможным развитием сюжета о невинно гонимой девушке (883А), в котором есть эпизод о том, как отец поручает сыну убить сестру, а он из жалости оставляет сестру живой и обманывает отца.¹²

Как благонравная сестра, какой она предстает в начале повести, превратилась в вероломную сестру? Повесть «окольцована» сюжетом о вещем сне. В начале «гистории» король Фридрикус слышит во сне глас «Из двух один пропасть может». На созванном королевском совете мудрый старик предполагает, что вещей сон касается детей короля. После того, как открылось, что сын нарушил приказ отца, король изгоняет детей из королевства — в наказание и чтобы дать свершиться Божественному провидению. Интрига сюжета сохраняется до конца, загадка вещего сна разрешается в конце «гистории» — злая сестра и ее муж наказаны за вероломство. Таким образом в «Гистории королевича Архилабона» мы имеем дело с контаминацией сказочных сюжетов, основанной на нарушении автоматизма сказочного сюжета, порождающей известную долю непредсказуемости. Наряду с «модернизационными» повествовательными приемами, механизм нарушения заданности сюжета становится двигателем процесса рождения беллетристики нового времени, процесса «структурирования сюжета... по законам новеллы»¹³.

¹¹ Алеша Попович и сестра Петровицей-Збродовичей // Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974. С. 208–209. В сборнике Кирши Данилова и опубликованных записях и пересказах были XVII–XVIII вв. такого типа былины нет.

¹² Сравнительный указатель сюжетов. С. 223.

¹³ Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге Нового времени... С. 147.

СЮЖЕТНАЯ СЕМАНТИКА

МОТИВА БЕСПРЕКОСЛОВНОГО ПОВИНОВЕНИЯ

И ЕЕ ИЗМЕНЕНИЕ В АНЕКДОТАХ О РОССИЙСКИХ ПРАВИТЕЛЯХ XVIII — НАЧАЛА XIX ВВ.*

Каждый раз причины и следствия, симптомы и исходы располагаются в другой сюжетной последовательности, чем прежде. И необратимо переворачивается модель истории: то, что было *тогда*, выглядит *сейчас* иначе, чем *всегда*.

А. М. Песков¹

Мотив беспрекословного повиновения (далее сокращенно БП), ставший основой ряда исторических анекдотов о российских правителях XVIII–XIX вв., относится к числу традиционных и известен в нескольких сюжетных вариантах. Его дальними предшественниками следует, видимо, считать предание, связанное с именем Сципиона Старшего,² и восточную легенду о Старце Горы, сокращенный вариант которой представлен в сборнике «Новеллино» (XIII в.).³

Со времени своего возникновения и письменной фиксации мотив БП оказывается тесно связан с темой смерти. Готовность умереть по слову правителя демонстрирует не только беспредельную самоотверженность под-

* Статья представляет расширенный вариант более ранней публикации: Никанорова Е. К. Мотив беспрекословного повиновения и его трансформация в исторических анекдотах конца XVIII — начала XIX века // Русская словесность: Проблемы эволюции и поэтики. СПб., 2008. С. 12–17.

¹ Песков А. М. Павел I. М., 2000. С. 7.

² «Когда в Сицилии его спросили, на что он рассчитывает в своем походе на Карфаген, он показал на триста своих воинов, упражняющихся при оружии, на высокую башню возле моря и сказал: “На то, что во всем этом отряде нет ни одного человека, который бы по моему слову не бросился с этой башни вниз головой”» (Плутарх. Изречения царей и полководцев. 75, 4 // Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990). Предание о Сципионе Старшем встречается также у Валерия Максима и Тита Ливия (см.: Гаспаров М. Л. Примечания // Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 565).

³ Новелла С. О том, как император Фридрих пошел на гору Старца // Новеллино. М., 1984. С. 128. Как указывает М. Л. Андреев в примечаниях к тексту, мотив слепого подчинения встречается уже в «Романе об Александре» Псевдо-Каллисфена (редакция С) (Там же. С. 302–303).